

УДК 341

**«ПРАВО ГААГИ»: КОДИФИКАЦИЯ, ЗНАЧЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ
(ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ)**

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация: Раскрываются некоторые особенности развития международного гуманитарного права, связанные с принятием известных Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. Анализируются соответствующие правовые акты, научные труды по заявленной теме. Конвенции рассматриваются через отношение к ним со стороны Российской империи. Отмечается, что «право Гааги» сформировало фундаментальный задел для того, чтобы мировое сообщество могло окончательно отказаться от войны как средства решения спорных вопросов, однако этот потенциал пока так и не реализован.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, Гаага, конвенция, война, Россия, оружие, наказ.

"THE LAW OF THE HAGUE": CODIFICATION, SIGNIFICANCE, PROBLEMS (VIEW FROM RUSSIA)

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Annotation: Some features of the development of international humanitarian law related to the adoption of the well-known Hague Conventions of 1899 and 1907 are revealed. The relevant legal acts, scientific works on the stated topic are analyzed.

Conventions are considered through the attitude towards them on the part of the Russian Empire. It is noted that the “law of the Hague” has formed a fundamental groundwork for the world community to finally abandon war as a means of resolving contentious issues, but this potential has not yet been realized.

Key words: international humanitarian law, The Hague, convention, war, Russia, weapons, mandate.

Международное гуманитарное право по историческим меркам стало развиваться сравнительно недавно – с середины XIX в. Так, в 1864 г. швейцарское правительство созвало дипломатическую конференцию для выработки документа о помощи жертвам войны. Участники конференции (шестнадцать европейских государств) 22 августа подписали первую многостороннюю Конвенцию об улучшении участи раненых во время войны [1], которая считается первым актом международного гуманитарного права; такое направление развития международных отношений отражало идеи естественного права [2]. За короткий срок к Конвенции присоединились более пятидесяти государств, включая Россию. Эта Конвенция сравнительно короткая (всего 10 статей), в ней определяется нейтральный статус медицинских пунктов, военных госпиталей, а также работающего в них персонала. Вместе с тем участники конференции не осуждали сам факт ведения военных действий, и допускали ранение и смерть их участников во время боевых действий; также предусматривалась репатриация военнопленных независимо от того, к какой стороне относились сражавшиеся – к нападавшей или защищавшейся. В любом случае война не названа как зло, от которого нужно избавляться. Соответственно в этом акте, как и во всех других актах международного гуманитарного права, не затрагивается вопрос о причинах войн, а также критериях агрессивных или оборонительно-защищаемых действий – на этот счет имеются другие международные акты, которые будут приниматься уже в рамках ООН с середины XX в. после Второй мировой войны.

В конце 1860-х гг. в военно-гуманитарный процесс на международном уровне активно включилась и Россия. Так, в октябре 1868 г. по инициативе России в Санкт-Петербурге состоялась конференция европейских государств (Австро-Венгрия, Бельгия, Англия, Греция и др., всего 19 участников) по обсуждению правил ведения войн, была принята Декларация, где, в частности, указывалось, что «прогресс цивилизации должен иметь своим следствием максимально возможное смягчение бедствий войны; единственной законной целью, которую государства должны стремиться достичь во время войны, является ослабление вооруженных сил противника; для этой цели достаточно вывести из строя как можно большее число людей; эта цель будет превышена применением оружия, которое бесполезно усугубляет страдания инвалидов или делает их смерть неизбежной; применение такого оружия, следовательно, противоречило бы законам человечности» [3]. В 1874 г. Россия сделала следующий шаг - выступила с предложением о новой международной конференции с той же повесткой, поскольку на предыдущей организаторам конференции не удалось, как ожидалось, принять более весомый документ в виде обязывающей конвенции. Такая конференция состоялась в Брюсселе (с 15 июня по 15 августа) с участием 14 государств (США, Франция, Испания, Германия, Швеция и др.).

Российский представитель Ф.Ф. Мартенс, внесший огромный вклад в развитие гуманитарного права, предложил разработанный им проект конвенции о законах и обычаях сухопутных войн, имея в виду цель опять же уменьшить страдания людей во время военных действий. Но и на этот раз удалось добиться только принятия декларации, а не обязывающей конвенции - в связи с особой позицией ряда государств. По этому поводу Ф.Ф. Мартенс отмечал с оттенком горькой иронии, что вокруг можно видеть «энергические проповедования» считать войну незаконной и заменить ее третейским разбирательством как «наиболее достойным средством для разрешения международных споров», однако, увы, действительная жизнь «приводит к совершенно другим заключениям»: народы, как люди, очень разные, и противоречия неизбежны, возникают

конфликты, в том числе вооруженные, поэтому «распри между народами могут исчезнуть только тогда, когда государства отрекутся от своей самостоятельности и от политических интересов; но последнее немыслимо» [4, с. 31]. Тем не менее, он полагал, что развитие цивилизации и культуры будут смягчать последствия войн (заметим по этому поводу, что выявленное Ф.Ф. Мартенсом противоречие не решено до сих пор).

Такого рода вопросы и сентенции конца XIX в. по-прежнему остаются актуальными. Вместе с тем нужно признать, что некоторые шаги человечество все же предпринимало. В 1899 и 1907 г. состоялись известные Первая и Вторая Гаагские конференции, и опять же при активном организационном участии Российской империи. Так, на Первой конференции (6 мая -17 июля 1899 г., 27 государств-участников) были приняты: три конвенции (о мирном решении международных столкновений; о законах и обычаях сухопутной войны; о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года), а также три декларации. На Второй конференции (2 июня -5 октября 1907 г., 44 государства-участника) были приняты 13 конвенций (о мирном решении международных столкновений; об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам; об открытии военных действий; о законах и обычаях сухопутной войны; о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны; о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий и др.), а также 1 декларация.

В Гааге впервые была проведена объемная кодификация законов и обычаев войны, ставшая правовой основой дальнейшего развития международного гуманитарного права («право Гааги»). Бесспорно, это был крупный шаг вперед с точки зрения продвижения гуманитарного начала в сферу военных действий, поскольку усиливались гарантии защиты раненых, больных, военнопленных и гражданского населения, запрещалось применение удушливых газов, использование пуль, легко разворачивающихся или сплюсчивавшихся при попадании в тело человека, и т.д. [5, с. 58] Все Гаагские конвенции 1907 г. (за исключением

XII Конвенции, не вступившей в силу) признаны большинством государств мира, являются действующими. Наибольшее значение с политико-методологических позиции имеют I и IV Конвенции 1907 г. Так, в IV Конвенции в ст. 1 указывалась: «Договаривающиеся Державы дадут своим сухопутным войскам наказ, согласный с приложенным к настоящей конвенции Положением о законах и обычаях сухопутной войны».

По этому поводу еще несколько раньше, в Россия в 1904 г. императором был утвержден «Наказ русской армии о законах и обычаях сухопутной войны» [6], представлявший особое приложение к Уставу полевой службы и Наставлению для действий в бою отрядов из всех родов оружия. Наказ состоял из двух разделов. Первый предназначался для офицеров и включал подразделы: кто признается воюющим; кто признается нейтральным; о раненых; о военнопленных; о переговорщиках; о лазутчиках. Второй раздел был адресован «нижним чинам» и содержал одиннадцать наказов, вот некоторые из них: «Воюешь с неприятельскими войсками, а не с мирными жителями ... Рази врага в честном бою. Безоружного врага, просящего пощады, не бей ... Мирных жителей неприятельского края не обижай, их имущество не порти и не отымай, да и товарищей удерживай от этого ... С пленным обращайся человеколюбиво; не издевайся над его верой; не притесняй пленного и не трогай его имущества» [6]. Оба раздела представляли собой предельно краткий, в упрощенном виде, адаптированный под российских военнослужащих конспект будущей IV Конвенции 1907 г.

Об уважительном отношении дореволюционной России к соблюдению норм международного гуманитарного права говорит также «Положение о военнопленных», утвержденное императором в 1914 г. [7] Структура этого документа свидетельствует о достаточно подробном закреплении правового статуса военнопленных, включавшего следующие разделы: общие положения; о нахождении военнопленных в районе расположения действующих войск; о нахождении военнопленных на сборных пунктах и о дальнейшем препровождении

дении их в места назначения; о помещении военнопленных внутри империи и надзоре за ними; о довольствии военнопленных. Этот документ также по сути представляет собой упрощенный конспект международных гуманитарных норм о военнопленных, адаптированный к российским военнослужащим; вместе тем нельзя не отметить позитивного момента в самом факте издания такого акта.

Судя по принятым Гаагским конвенциям, на планете Земля ситуация должна была уверенно повернуться в сторону мирных отношений между государствами. Однако в реальности и на этот раз ожидания общественности многих, если не всех стран, не оправдались. Так, мировые державы, имевшие превосходство в определенных военных ресурсах, пытались разными путями его сохранить, например, Англия, имея мощный флот, стремилась внести конвенционные нормы об ограничениях военного флота, «связав» тем самым другие страны и остаться в своем преимуществе, однако это предложение было отвергнуто Германией, которая активно строила свой флот, что, в свою очередь, вызывало опасения у России. Цель сокращения вооружений и военных бюджетов или хотя бы их фиксации на достигнутом уровне не была достигнута (активно против были Германия и Франция). В этом контексте в литературе критически оценивается и сама «благородная» инициатива России о созыве мирных конференций. В частности, указывается, что одной из побудительных причин российского правительства проявить инициативу по созыву конференций было желание «сэкономить» на военных расходах. Одновременно ставилась задача разрядить политическую обстановку на Дальнем Востоке, а также повысить международный авторитет Николая II и Российской империи в целом [8, с. 103]. В инструкции, которую министр иностранных дел России А.П. Извольский послал российскому представителю А.И.Нелидову на Второй Конференции, указывалось, что интересы родины «требуют, чтобы созванная по почину императорского правительства Конференция кончилась успешно, и чтобы решения, к которым она приведет, соответствовали пользам России, не налагая на нее никаких обязательств, могучих стеснить ее будущее развитие и давая вме-

сте с тем возможность пользоваться благами международного правопорядка» [9].

Очевидно, подобным образом (сделать так, чтобы не было «никаких обязательств») свои выгоды искали и другие государства. В результате, как отмечает С.И. Чернявский, решения конференций по военным вопросам остались лишь на бумаге, призывы к отказу от гонки вооружений не смогли предотвратить ни новых колониальных захватов, ни использования запрещённого Гаагскими конвенциями оружия [10, с. 32]. Собственно, изначально российская инициатива о созыве конференций была без восторга встречена «основными державами, опасавшимися, что эта инициатива нарушит их планы перевооружения армий современными видами оружия и, возможно, затронет спорные территориальные и иные вопросы» [11, с. 35].

Разразившаяся Первая мировая война показала, что принятые Конвенции не возымели видимого действия, стали нарушаться, явственно показав, что в качестве способов решения мировых проблем «война» предпочтительна «миру», несмотря на миролюбивые конвенции и декларации и жалость к жертвам боевых действий, многократно звучавшие на Гаагских конференциях. В этой войне участвовало 38 государств с населением свыше 1,5 млрд. человек, она продолжалась более 4 лет, кардинально отличалась от военных конфликтов нового времени не только «мировым» масштабом военных действий и глобальными разрушительными последствиями - в ней погибли свыше 10 млн военных и около 12 млн мирных жителей, около 55 млн были ранены [12, с. 34]. Некоторым оправданием пользы Гаагских Конвенций может быть, вероятно, предположение о том, что без них жертв и разрушений было бы еще больше, однако измерить это предположение невозможно.

В этой же связи нельзя не сказать о таком феномене, как поддержка общественным мнением России и ряда других стран начала Первой мировой войны. Казалось бы, именно общественное мнение должно было встать на пути взаимного физического уничтожения людей и материальных разрушений во

время войны и тем более глобального характера. Но случилось невероятное. Так, в литературе отмечается, что «начало войны встретили восторженно славянофильскими творениями Николай Гумилев, Владимир Маяковский, Сергей Булгаков, Игорь Стравинский, Александр Бенуа ... Кульминация патриотических торжеств - молебен на Дворцовой площади 2 августа, после объявления Николаем II Манифеста о войне. Примерно сто тысяч человек, собравшихся в воскресный день перед Зимним дворцом, дружно опустились на колени перед императором и императрицей, когда те вышли на балкон Зимнего дворца. Толпа неистовствовала ... В разных концах империи возобладал невиданный до сего агрессивный шовинизм ... Рабочих Петербурга, переименованного в те дни в Петроград, будто подменили в считанные дни: из бесстрашных забастовщиков-интернационалистов они превратились в верноподданных сторонников войны ... Как только война была объявлена, улицы европейских столиц также были запружены ликующей толпой» [12, с. 34, 35].

Логическими рассуждениями это явление объяснить, очевидно, нельзя, и оно требует дополнительных научных изысканий с применением методов социальной психологии. Во всяком случае, можно говорить о том, что содержание и дух Гаагских конвенций, их гуманитарное начало не проникли в глубинные слои обществ-государств, не стали правилами, которыми следует руководствоваться, в том числе это касается отмеченных выше армейских «наказов» для российских военнослужащих о «человеколюбии» во время войны – война показал, что их социальная цена ничтожно мала.

Гаагские конференции отрегулировали многие вопросы, связанные с ведением войн и защитой их жертв; отрегулировали – но не пресекли Первую мировую войну. Как отмечает А.В. Ревякин, «в 1914-1918 гг. все страны воевали под лозунгами защиты отечества и национального освобождения. Ни одна из них прямо не называла свои цели войны захватническими, шла ли речь о "жизненном пространстве", "исконных землях" или о чем-либо подобном. И ради удовлетворения собственных притязаний никто из них не считался с правами

противника. Такого рода "правовой нигилизм" дорого обошелся самим победителям: "Версальское перемирие" посеяло в Европе зерна еще более жестокого и опасного конфликта» [13, с. 66].

Следует констатировать, что желание государств и поддерживающих его политико-экономических сил продвигать свои интересы на мировой арене оказалось сильнее миротворческих движений, и в совокупности мировое сообщество, декларируя миролюбие, оказалось неготовым поменять «войну» на «мир», ограничившись введением, как некоторое цивилизационное достижение, принципа «гуманизации войны». В равной степени это относится и к внутригосударственным вооруженным конфликтам, и прежде всего речь идет о жестокой и кровопролитной Гражданской войне в России после революции 1917 г. (как следствие участия России в мировой войне), в которой, например, применялись отравляющие вещества при подавлении антоновского крестьянского восстания, расстреливали заложников, и в такого рода случаях вряд ли вспоминали о Гаагских конвенциях.

С тех пор прошло более ста лет, в течение которых, увы, несмотря на укрепление международного сотрудничества (в частности, создана Лига наций) не удалось предотвратить Вторую мировую войну. После ее окончания была создана ООН, приняты известные и действующие Женевские конвенции 1949г. и другие гуманитарные акты. Но одновременно появилось смертельно опасное для всего мира ядерное оружие. Тем не менее идет, хотя и не без противоречий, процесс глобализации экономических отношений, предполагающих, как следствие, и политическую трансформацию мирового порядка, расширение сферы мировой культуры, спорта, искусства, туризма и т.д. И в целом человеческая цивилизация находится в процессе развития, созидания. В таких условиях совершенно очевидно, что войны не востребованы. Но, с другой стороны, все государства остаются суверенными, самостоятельными (во всяком случае формально), и у каждого имеются свои интересы, а значит, при их столкновении неизбежны конфликты. В этой связи представляется целесообразным, что-

бы в нормах международно-правовых актов все больше делался акцент на разработке реальных механизмов предотвращения и пресечения действий, ибо новая мировая война может быть последней для человеческой цивилизации. Для этого Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 г. сделан необходимый международно-правовой задел, который мировому сообществу уже пора довести до логического завершения.

Библиографический список

1. Конвенция об улучшении участи раненых во время войны от 22.08. 1864 г. (принята на конференции 16 европейских государств в Женеве) // Веремеев Ю.Г. Солдаты и конвенции. Как воевать по правилам. М.: Алгоритм, 2012. 320с. Приложение 1.

2. Рябченко Е.В., Палазян А.С., Рябченко А.Г. Теоретические и методологические особенности "возрожденного" естественного права в России конца XIX - начала XX века. Краснодар: КУ МВД РФ, 2006. 106 с.

3. Декларация об отказе от использования во время войны разрывных снарядов весом менее 400 граммов от 11.12. 1868 г. (принята конференцией 19 европейских государств в Санкт-Петербурге) // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста) // Договоры, государства-участники и комментарии/ <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/130?OpenDocument> (дата обращения: 25.10. 2022 г.).

4. Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874-1878 гг. СПб, 1879. 656 с.

5. Бисултанов А.К. Развитие международного гуманитарного права в условиях изменяющейся природы современных вооруженных конфликтов: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 207 с.

6. Наказ русской армии о законах и обычаях сухопутной войны (Высо-

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

чайше утвержден 14.07.1904 г.). СПб.: Военная типогр., 1904. 26 с.

7. Положение о военнопленных (Высочайше утверждено 07.10.1914 г.) // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 281. Ст. 2568.

8. Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: РОССПЭН, 2005. 392 с.

9. К 110-летию Второй Гаагской Конференции мира: Информационно-справочные материалы // Историко-документальный Департамент МИД России / URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnyie-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/k-110-letiu-vtoroj-gaagskoj-konferencii-mira (Дата обращения: 26.10.2022г.)

10. Чернявский С.И. К 110-летию Второй Гаагской конференции мира // Juvenis scientia. 2017. № 7. С. 30-38.

11. Саямов Ю.Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. // Россия и современный мир. 2017. № 3 (1996). С. 33-46.

12. Фархутдинов И.З. Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг. Кто развязал Первую мировую войну // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 29-36.

13. Ревякин А.В. Проблема вины и ответственности // Первая мировая война. Пролог XX века: сб. статей / Отв. ред. В.Л. Мальков. М.: Наука, 1998. 693 с. С. 65-70.

Оригинальность 84%